

Вечером, вернувшись домой, ужин снова приготовил Гу Сюань. С тех пор как Цзи Янь в прошлый раз приготовил рыбу для Фу Аня, и тот подавился костью, а Цзи Янь в злобе накричал на него, он больше не подходил к плите.

За столом маленький Фу Ань поёл, что ему давал Гу Сюань. Он чувствовал странную атмосферу, лишь моргал и не смел пикнуть, но замечал, что Гу Сюаню, кажется, есть что сказать — тот всё время косился на Цзи Яня, хотел открыть рот, но никак не мог решиться.

Этот молчаливый обмен взглядами начал беспокоить маленького Фу Аня, и он тихо проговорил:

— Сяо Сюань, ты всё смотришь на А Яня, ты хочешь что-то ему сказать?

Гу Сюань замер.

— А?

Сразу же Цзи Янь, сидевший с опущенной головой, посмотрел на Гу Сюаня. Рука Гу Сюаня с ложкой дрогнула, он поспешно замотал головой:

— Нет-нет, показалось.

Цзи Янь снова опустил голову и продолжил есть. А в голове у маленького Фу Аня возник большой вопросительный знак: он ведь точно не ошибся, почему же Сяо Сюань соврал? Учительница говорила, что врать — это плохо.

Гу Сюань вздохнул с облегчением, но в душе корил себя. Эх, в итоге так ничего и не сказал...

Убрав посуду, Гу Сюань с удивлением обнаружил, что Цзи Янь с необычным спокойствием сидит у печки и варит яйца.

Мягкие волосы Цзи Яня слегка отросли и спадали на лоб. Его глаза, узкие и длинные, были красивы, независимо от того, радовался он или злился. Нос прямой, а губы, когда он не ругался, казались очень соблазнительными...

Глядя на спокойный и красивый профиль Цзи Яня, Гу Сюань незаметно подошёл ближе и сел рядом.

Цзи Янь не умел заботиться о других, но он учился. Он не хотел растить Фу Аня, вечно ворча и называя его маленьким монстром, но всё же делал это, не бросая мальчика.

Гу Сюань понимал, что должен извиниться, но гордость не позволяла. Майор Фу за всю жизнь ни перед кем не извинялся.

Цзи Янь не понимал терзаний Гу Сюаня. Увидев, что яйца сварились, он взял одно, подул и тут же швырнул его в лоб Гу Сюаню — бац!

Гу Сюань от боли вскочил, но гнев в следующую секунду утихли слова Цзи Яня:

— Гу-чертёнок, почисти его и скорми Аньцзы.

— Прости.

Гу Сюань взял яйцо, губы его неловко шевельнулись, и он наконец выговорил эти три слова.

Цзи Янь ничего не ответил, лишь усмехнулся, мягко разжал ладонь Гу Сюаня и без слов положил туда ещё одно яйцо.

В тот момент сердце Гу Сюаня дрогнуло, и вдруг ему стало очень-очень радостно.

Оказывается, его возлюбленный Цзи Янь тоже может быть таким нежным.

Цзи Янь и Гу Сюань окончательно помирились. Из-за тех варёных яиц или из-за чего-то ещё?

Цзи Янь подумал, но не стал вникать. В ту ночь он как следует помылся, снова обнял маленького Фу Аня и спал крепче, чем за последние несколько недель.

Утром, проснувшись, Цзи Янь заметил, что одеяло, которое он ночью полу сбросил-полу спихнул с себя ногами, было аккуратно укрыто. Он подумал, что это, вероятно, Гу Сюань вставал ночью и поправлял его. Завтрак тоже был богатым: помимо обычной каши и булочек, Гу Сюань приготовил солёную редьку, купил ютёю и специально сварил несколько яиц в благодарность.

Цзи Янь был очень доволен и впервые искренне почувствовал, что иметь рядом Гу Сюаня — неплохо.

Цзи Янь как обычно пошёл на работу, но выглядел гораздо бодрее, что даже удивило Чжу Дафа. Тот с улыбкой подколот:

— Ой, Сяо Цзи, случилось что-то хорошее? Ты улыбаешься так, словно... эм... жена, которую муж уговорил вернуться из родительского дома.

Цзи Янь не удержался и рассмеялся, не обидевшись. Ему показалось это сравнение забавным.

К сожалению, хорошее настроение Цзи Яня продлилось недолго. Ближе к полудню в дежурной комнате зазвонил телефон. В то время телефоны были редкостью, и обычно звонили жена или дети Чжу Дафа, чтобы узнать, как дела. Но на этот раз звонили Цзи Яню. Подняв трубку, он услышал голос учительницы Чэн.

Она сказала, что Фу Ань подрался и устроил скандал, всё зашло так далеко, что чужой ребёнок попал в больницу.

Взяв полдня отгула, Цзи Янь поспешил в детский сад. Ещё не дойдя до учительской, он услышал громкие крики.

Несколько родителей окружили учительницу Чэн и ещё двух воспитательниц. В основном это были матери с острыми лицами, без умолку болтавшие и указывавшие пальцем; в их потоке речи слышались одни обвинения, изредка проскакивали ругательства. Двое отцов в костюмах и галстуках стояли поодаль, разговаривая по телефону, с суровыми лицами и нахмуренными бровями.

Цзи Янь заметил, что матери, хотя и отчитывали учителей, их злобные взгляды были направлены на детей за спиной воспитательниц. Учительницы прикрывали собой двух детей: одного — Фу Аня, другого — мальчика с короткой стрижкой, клыками и тёмной кожей по имени Хэ Си.

Хэ Си гордо задрал подбородок и стоял прямо, словно ему было всё равно, что на него орет толпа. Маленький Фу Ань был совсем другим: он опустил голову и выглядел забитым. Кто бы

мог поверить, что этот хрупкий малыш способен на драку?

— Аньцзы, не плачь, слышишь, не плачь! Мы же мальчики!

Хэ Си, который был повыше Фу Аня, крепко сжимал его руку и повторял это снова и снова. Маленький Фу Ань кивнул, слёзы стояли в глазах, но он крепко кусал губу, стараясь не дать им упасть.

Тот факт, что дети ни в чём не признают себя виноватыми, явно разозлил матерей. Одна из них, в красном, как истеричка, причитала, что её ребёнок лежит в больнице, и пыталась схватить детей за одежду, называя их «дичками» и «выродками». Если бы не учительница Чэн, она бы уже начала их бить.

В толпе начался настоящий хаос.

Цзи Янь глубоко вдохнул, протолкался сквозь людей, вытащил маленького Фу Аня и тут же дал ему пощёчину — шлёп!

Родители мгновенно замолчали. Повисла тишина.

Эта пощёчина ошеломила маленького Фу Аня. В голове звенело, на щеке горел красный отпечаток ладони, и наконец слёзы покатались по щекам. Вместе со слезами появилась и кровь из носа.

Маленький Фу Ань смотрел на разъярённое лицо Цзи Яня и вспомнил слова «маленький монстр»...

— Цзи Янь, ты с ума сошёл! — учительница Чэн не выдержала и закричала.

— Цзи Янь, ты с ума сошёл!

Закричав, она, забыв обо всём, поспешно присела на корточки, достала платок и стала вытирать Фу Аню слёзы и кровь из носа, бережно касаясь его щеки. Увидев красные глаза и оцепенение мальчика, её сердце сжалось.

В этот момент её неприязнь к Цзи Яню достигла пика. Она была уверена, что он — жестокий маньяк, издевающийся над детьми.

Хэ Си, стоявший рядом с Фу Анем, тоже на мгновение застыл, но, придя в себя, сжал руку друга ещё крепче. Он смотрел на Цзи Яня с ненавистью, словно на заклятого врага, скрежета зубами, готовый его растерзать.

Цзи Янь не обратил внимания на их ненависть, а лишь холодно усмехнулся, глядя на матерей:

— Ха-ха, наконец-то наорались? Успокоились?

Женщины переглянулись, не понимая, к чему это он.